

«СИНИЙ БИЛЕТ» — это чудо, обязательно прочтите все, что пишет Софи Макинтош».

— ДЕБОРА ЛЕВИ

СОФИ МАКИНТОШ

18+

**СИНИЙ
БИЛЕТ**

Литературные хиты: Коллекция

Софи Макинтош

Синий билет

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Макинтош С.

Синий билет / С. Макинтош — «Эксмо», 2020 — (Литературные хиты: Коллекция)

ISBN 978-5-04-115771-5

Калла знает, как работает лотерея. Все знают. В день первой менструации нужно явиться на станцию, чтобы узнать, какой женщиной ты станешь. Белый билет дарит детей. Синий билет дарит свободу. Тебя освобождают от мучительной необходимости выбора. Но, как только твоя судьба определена, пути назад уже нет.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-115771-5

© Макинтош С., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Лотерея	6
1	6
2	7
3	9
4	12
Дома	15
1	15
2	16
3	17
4	19
5	21
6	23
7	24
8	25
9	27
10	28
11	29
12	31
13	33
14	35
15	36
16	38
17	40
18	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Софи Макинтош

Синий билет

Посвящается Урсуле и Кэри

*Густо-
туманное
утро.
Смутно вижу
тропу под ногами.
Отчетливо —
только себя.*

Лорин Нидекер. «Линней в Лапландии»¹

Sophie Mackintosh
BLUE TICKET
Copyright © Sophie Mackintosh, 2020

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Лотерея

1

Все началось с распределения наших судеб – словно мы были шариками в детском бильярде. Это был год полового созревания, когда девчонки начали падать в обморок и бурно расти.

Зайдя в кабинет врача в моей поликлинике, я заметила, что вся стена испещрена метками роста, похожими на следы от мух. Моя затерялась среди массы чужих.

– Выпрямись, выпрямись, – приказала врачиха. И стукнула меня по руке линейкой. – Смотри вверх! Что ты видишь?

«Пыль на обоях, доктор». Но этого я не сказала. Она делала пометки на моем теле. Мне было щекотно, и я ежилась. Она обернула тонкой тканью кончики моих больших пальцев.

– Перестань грызть ногти, – сказала она. И что-то написала у себя в журнале – может быть, «Неспособность к заботе о потомстве».

Когда мне исполнилось одиннадцать лет, отец купил мне серого мохнатого песика, чтобы я тренировала сердце. «Беги быстрее!» – кричала я ему, когда он от меня отставал. Это была любовь.

Холодный свет. Пауки выползают из серебряных паутинок в оконных рамах. Там, за пределами дома, таится моя судьба. Мы с псом бежали к ней вместе. Мне нравилось зарываться лицом в его колючий мех, хотя, наверное, у меня была аллергия на собачью шерсть. Вполне возможно, что и болела я из-за любви.

2

Надо пить побольше молока, если хочешь ускорить процесс, советовали мне опытные девчонки в туалете на переменах, пока мы втирали бальзам в обветренные губы. С ними этого еще не произошло, но они откуда-то все знали. Ешь животный и растительный жир, уверяли они. Мы открывали все краны и разбегались на уроки.

За ужином я набрала полную ложку сливочного масла и неторопливо его съела. Отец посмотрел на меня и ничего не сказал. Я зачерпнула еще ложку. Облизала ее.

«Опасайся своих желаний» – гласила надпись на стене в поликлинике. В тот год я прочитала ее раз пятьсот. Я сидела на оранжевом пластиковом стуле в коридоре и болтала ногами.

На протяжении учебного года девчонки уходили одна за другой. И никаких прощальных тортиков, никаких заявлений. Когда очередь дошла до меня, уже почти никого не осталось. В классе были только я да пара девчонок и несколько мальчишек моего возраста, мы целыми днями водили карандашами по страницам, умножая и вычитая, запоминая формулы.

Я никогда особо не верила в концепцию свободы воли. Когда мне было четырнадцать, я месяцами жила в терпеливом ожидании будущего. Я часами сидела на желтом кафельном полу в отцовской ванной, прижав колени к груди, словно надеялась одной лишь силой мысли заставить свое тело скорее повзрослеть. Мне ничего не доставляло радости, за исключением того, что каждое событие моей жизни приближало меня к взрослости, к этому ярко сияющему горизонту впереди. Казалось, чтобы его достичь, надо проплыть по реке грязи, впадающей в безбрежный океан. «Преодолей это», – написала я на обороте школьной тетрадки. Моя личная мантра. Я почувствовала себя продвинутой из-за того, что обрела мир с самой собой. Ясное дело, я ничего не знала.

Обо всем этом я поведала доктору Дж, изможденной бледной даме, в чьем кабинете была испещренная пометками стена. Содержимое наших взрослеющих мозгов было зафиксировано на пленках в ее архиве, где среди всего остального хранились истерики бесчисленного количества девочек-подростков, ожидавших своей участи.

«Чем в последнее время был занят твой ум?» – спрашивала она, и я всякий раз говорила одно и то же, а именно: «Он вообще ничем не занят», – что зачастую было чистой правдой. Я крепко спала, после школы гуляла по лесу с отцовским ружьем, ища взглядом шевелящихся в траве кроликов, правда, я никогда не стреляла, когда была одна. Меня умиляли сосновые шишки и стихи, я плавала, сколько положено, в спортивно-развлекательном центре с другими девчонками-сверстницами, а потом шла домой по унылой проселочной дороге, окаймленной зелеными кустами.

В тот год на моих бедрах появились длинные красные полосы – странно! Кожа растягивается, объяснила мне врач. Ты будешь высокая. В тот момент я ей не поверила. Когда мне выпадало свободное время, я молилась о том, чтобы поскорее пришли первые месячные. Я молилась природе, молилась мокрой траве и солнцу, чтобы это случилось. Мамин медальон ждал меня в ящике отцовского комода. Он был там не заперт, но пуст. Мама лежала в могиле на сером кладбище за городом. Ее билет, вероятно, лежал с ней в гробу. Я не спрашивала.

Отец повел меня в ресторан. Это была моя первая партия игры во взрослую жизнь, и сыграла я так себе. Черствые пустые рогастики. Три я слопала сразу. Потом приняла печальные грибочки в спагетти-карбонара за улиток и не смогла их взять в рот. «Неженка!» – обозвал меня тогда отец, немного разозлившись. Он заказал вина, и я глотнула капельку – но не более. От вина у меня защипало язык. Отец научил меня раскручивать вино в бокале и разглядывать «ножки» на стенках. Это как гадание на чайных листочках, пояснил он. Я заглянула в бокал с вином и увидела свое будущее. Оно жило на дне бутылки.

Допив все вино, отец поднял пустую бутылку и заглянул в нее одним глазом, как в телескоп. Видишь? Он засмеялся, но я не спросила, что обещает будущее.

Ей бы хотелось, чтобы ты вынула синий билет, сказал мне отец, пока мы ждали счет, но не стал уточнять. Мне не хотелось выглядеть дурой и спрашивать его, о чем это он, поэтому я кивнула. И только потом, уже в кровати, перед сном, я поняла, что он говорил о маме.

Он был слишком молод, чтобы стать отцом. По выходным к нам в дом заваливались его друзья, пили пиво и разглядывали меня. Они играли в карты, но я не знала, во что. «Раз-два, раз-два! – кричали они нараспев, выбрасывая карты на стол. – Еще по пивку!» Я лежала в темном коридоре на животе, там, где они меня не видели. Мне хотелось смотреть, но самой оставаться невидимой. Для меня это было самое главное. Хотя в четырнадцать лет этого еще не понимаешь. Но теперь-то я понимаю.

Чуть позже, в кинотеатре, я водила кончиками пальцев по краю пакета с попкорном. Рядом со мной сидел мальчишка. Я почувствовала, как он протянул руку в мою сторону, как будто плыл. Его рука двигалась в воздухе вверх и вниз, пока не коснулась меня. Рука нащупала мое плечо, потом мою грудь. Я позволила руке лежать там без движения. Фильм кончился. Рука отдернулась. Мальчишка ушел прежде, чем я успела его разглядеть.

Тогда туалет для девочек в школе уже почти всегда пустовал. Никто не оставлял краны открытыми.

Однажды я заметила, что мой серый пес раздался и стал бегать совсем медленно. Выяснилось, что это девочка. А потом она легла, и из нее стали вываливаться маленькие слепые существа, попискивающие и розовые, похожие на сердечки. Отец куда-то их дел. То ли выпустил в лес, то ли раздал по знакомым. Я решила поверить в такой вариант.

Много лет спустя, глядя на свой живот, я думала о моей собаке. Да, внутри кто-то сидел. Сомнений никаких. Я тоже буду медленно ходить. Я тоже лягу на землю. На холодную землю. Однажды голубым утром.

– Тебе надо было взять их на руки, – сказала мне одноклассница. Кроме нас в классе больше девочек не осталось. – Ты была бы им матерью. Они бы чуяли тебя по запаху и признавали только тебя.

Грустная, тонкая, как тростиночка, девочка с тревожными светлыми глазами. Мне было неприятно думать, что я такая же, но именно такой я и была. Мы обе. Она аккуратно засунула в рот небольшой сэндвич. Вернувшись домой и войдя к себе в комнату, я понюхала подмышки, чтобы почуять свой запах. Запах казался неопределенным. Так воняют любые потные подмышки. Вряд ли кто-то мог назвать этот запах домашним.

3

Настал день, когда наконец-то я обнаружила красную полоску на трусиках. В душе я тщательно помылась, наблюдая, как незнакомая мне струйка крови бежит по ногам. Из меня выпал темный желеобразный сгусток. И я бестрепетно подумала, что, наверное, сейчас умру. Но я не умерла, а надела провисевшее на двери моей спальни целый год платье из розового атласа, отороченное по нижней кромке и по вырезу белыми цветочками, с нижней юбкой, царапающей мне колени. Оно пахло влажной затхлостью и пропиталось дешевым приторным парфюмом, которым я прилежно опрыскивала свое тело каждое утро перед школой. Я вышла в платье к отцу и крутанулась перед ним, а он достал из ящика мамин медальон и отдал мне. Но предупредил: пока не надевай.

Мы взяли такси, потому что это был особый случай, хотя ехать предстояло далеко: по извилистым улочкам соседнего городка и снова по пригороду, мимо деревянных домишек вроде нашего. Таксист достал пластиковый ящик для мороженого, в котором лежали завернутые в фольгу шоколадные сердечки. «Возьми парочку!» – настоял он, после чего поставил ящик обратно под сиденье.

– Милая девочка! – сказал он отцу, который бросил в ответ:

– Смотри за дорогой! – и улыбнулся, но как-то невесело, и потом всю оставшуюся дорогу оба не проронили ни слова.

В шоколадках были черные вишенки. Я смяла оба кусочка фольги и незаметно сунула между моим сиденьем и дверцей.

Лотерея проходила в здании, похожем на поликлинику: двухэтажное, светлого кирпича, плоская крыша. Когда мы подъехали, я увидела эмиссара, который стоял у дверей и курил, но, заметив нас, бросил окурки на дорогу. «Поздравляю», – бросил он мне и провел нас внутрь, где уже собрался народ.

Пол в зале был дощатый, обильно политый лаком, весь в царапинах от бесчисленных ног. В лаковых половицах отражались многочисленные лампы – потолочные прожекторы, лампа на столе, за которым на оранжевом пластиковом стуле сидел, скрестив ноги, мужчина в темном костюме и глядел на нас. Он смахивал на врача, но на нем не было белого халата, а на руках – резиновых перчаток. В зале на деревянной скамье сидели в рядок четыре девчонки в обычных платьях, и на груди у них были приколоты букетики цветов – у кого живых, у кого искусственных. Эти девчонки были не из моей школы. Одна была в бархатном платье, две другие в тюлевых, а четвертая, как и я, в атласном. Меня привлекла девочка в атласном. Родственная душа.

Мы выстроились друг за дружкой перед машиной, выдающей лотерейные билеты, как в магазине перед автоматом, который выплевывает талоны с номером очереди. Из динамиков на потолке звучал шлягер того года. Все было довольно торжественно. Довольно церемонно. Хотя событие было не бог весть какое важное.

Первым выкликнули мое имя. Все глазели на меня, когда я шла через весь зал к лотерейной машине в зашторенной кабинке. Я сунула руку в прорезь. Мне было немного не по себе, но я была готова к тому, что сейчас решится мое будущее. Я зажмурилась и вспомнила, как отец приложил пустую винную бутылку к глазу. Машина бесшумно выкинула мне в ладонь кусок картона. Билет был темно-кобальтового цвета.

– Мои поздравления, – сказал мне похожий на врача мужчина в темном костюме.

За мной к машине подходили другие девочки и получали свои билеты. «Почти все!» – воскликнул мужчина в конце, прочитав выданную машиной распечатку. Мы столпились и сравнили полученные билеты. Все они были синие, за исключением одного – белого. Врач и эмиссар препроводили девочку с белым билетом в отдельную комнату. Мы смотрели, как все трое

прошли в темный дверной проем. Врач, вернувшись, дважды хлопнул в ладоши. «Вас пощадил», – заявил он с пугающим благодушием.

Сев за стол, эmissар записал результаты лотереи, чтобы сообщить семьям, клиникам, важным и далеким инстанциям то, чего нам знать не полагалось. Одну за другой нас вызывали в другую комнату, не в ту, куда пошла девочка с белым билетом. Я легла на покрытую хрустящей бумагой кушетку с приподнятым изголовьем, и женщина-врач в привычном белом халате чуть ли не сочувственно попросила меня согнуть ноги в коленях. Она ввела что-то в меня, и я тотчас ощутила острую, пробежавшую по нижней части тела боль.

– Что это? – спросила я, а она ответила:

– Твой доктор все тебе объяснит, когда ты прибудешь к месту назначения.

Она сказала «когда», а не «если», и я была ей за это благодарна. Я встала и увидела, что оставила на бумажной простыне кровавую розочку.

Душевая в лотерейном доме купалась в желтом свете, в котором отчетливо виднелись жилки на моей тощей шее. Я была похожа на ошипанного цыпленка с кое-как нанесенными на веки теньями, но теперь мамин медальон висел на мне. Над раковиной висело длинное зеркало, в углу стоял плетеный стул – рядом с двумя выкрашенными в персиковый цвет душевыми кабинками. В зеркале я видела других девчонок у стены. Пальцы ног поджаты. Взгляды уперлись в потолок, потом скакнули к двери, когда в душевую вошла девочка с белым билетом, и снова уперлись в потолок. На краю раковины стоял букет засохших цветов: клочки зеленого оазиса, виднеющегося сквозь розовые гвоздики. В душевой звучала музыка из динамиков, спрятанных то ли в потолке, то ли под раковиной.

Сначала я все время смотрела на девочку с белым билетом, на ту, в атласном платье, правда, ее платье было голубым, с грязным подолом, потому что волочилося по полу. У нее были красные глаза. Меня так и подмывало схватить ее за руку и куда-нибудь убежать – например, в ближний лес, где я частенько курила с одноклассницами на переменах, позади школьной ограды из колючей проволоки, где учителя не могли нас увидеть. Но я до нее не дотронулась, а заставила себя отвести взгляд.

В душевой кабинке я некоторое время изучала нацарапанные на двери имена и даты. Я вынула английскую булавку, которая скрепляла мой фальшивый корсаж, и написала: «Калла, Синий билет», – а внизу пририсовала улыбающуюся рожицу и поставила дату. Меня захлестнула волна облегчения – так естественно и ненатурально сокращается мышца.

Итак, детей у меня не будет. И я обрадовалась. Я сама еще совсем недавно была ребенком. И мне не хотелось, чтобы еще какое-то слабенькое существо подвергалось в жизни таким же опасностям, что и я.

Я вернулась с девочками в лотерейный зал, где нас ждали родители. Там уже накрыли стол: были расставлены чайники и кофейники, печенье и тонкие сэндвичи на фарфоровых тарелках, рядом лежали салфетки в пачках. Врач, отвечавший за сегодняшнее мероприятие, стоял перед группой родителей с таким видом, будто он выступал с речью, а мы прервали его на полуслове. Может быть, так оно и было. Мамы улыбались. Отцы стояли с угрюмыми лицами. Эmissар раздал всем нам по бутылке воды, компасу и сэндвичу, завернутому в салфетку. Нам не позволили самим выбрать себе сэндвич. Как я заметила, бутылка, которую получила девочка-белобилетница, была объемнее остальных, и кроме того, ей вручили целых два сэндвича. Все происходило прямо здесь: наши жизненные пути стремительно расходились, нельзя было терять ни минуты.

– А теперь уходите, – сказал нам врач. – Куда хотите. Уезжайте куда угодно, только уезжайте отсюда. Мои поздравления!

Я поймала взгляд отца. У меня уже был на примете один город. Он внимательно посмотрел на меня и кивнул.

Мы вышли на улицу. Стемнело, похолодало. Взрослые остались в освещенном зале у стола с чаем, кофе и закусками, чтобы переговорить с врачом. Кто-то из нас еще мог повидаться с родителями, а кто-то нет. Некоторые девчонки, стоило нам выйти наружу, остановились как вкопанные. Они не знали, куда идти. Неопытные и перепуганные, как фавны, которых я видела на деревьях в сумерках. А девочка-белобилетница решительно зашагала в лес, и на атласе ее платья играли отблески наших фонариков, пока она не исчезла во тьме. Мы с ней были не такие уж и разные.

Я положила компас на ладонь. Север или юг, восток или запад. Магнитная стрелочка заметалась под стеклом, освещенная лучиками лунного света. Я знала, что смогу доказать самой себе, что способна на нечто большее помимо обкусанных ногтей и затхлого запаха душевой, помимо мальчиков, шарящих руками в темноте в поисках того, что я была бы и рада им дать, если бы имела. Впереди меня ждала моя жизнь. И теперь, когда ее очертания отчетливо вырисовались, мне надо было бежать к ней навстречу.

Кое-кто из девчонок пошел за мной следом по виднеющейся в полумраке дороге. Я слышала за спиной их шаги и шагала быстрее, не желая, чтобы они ко мне приближались. Одна девочка расплакалась и стала звать маму, но мать к ней не придет. Никто не придет.

4

Вот как твоя жизнь становится данностью – предначертанной и неизменной. Она стала вещью, которая на самом деле тебе не принадлежит, и желать себе иной жизни было в лучшем случае заблуждением, а в худшем – предательством.

Синий билет: нельзя недооценивать избавление от решения, которого ты лишена.

Синий билет: у меня не было материнского инстинкта. Кто-то, кто знал меня лучше, решил, что мне он не нужен.

Синий билет: у меня некий дефект мозга, тела или души, или что-то в таком роде. Это некий недостаток, который нельзя передавать потомству. Это теплое чувство мне не дано.

Синий билет: моя жизнь драгоценна сама по себе. И ею нельзя рисковать.

Синий билет: кто-то называл это благородной жертвой. А кто-то благодатью.

Всякий раз, когда я задумывалась о своей судьбе, она наполнялась новым смыслом.

Это были годы сначала лихорадочные, затем исполненные покоя. Они отсчитывались с неизбежностью метронома, какие-то были тоскливы, какие-то увлекательны. События в жизни женщины, вытянувшей синий билет, происходили совсем не так, как в жизни белобилетницы. Дух приключений. А на практике жизнь казалась мельче, чем ее обещанный безграничный простор. В ночной тьме я стояла на своей кухне, курила, наблюдая, как одно за другим гаснут окна соседских домов. Я уже не просила мужчин в возрасте моего отца ударить меня по лицу или остаться со мной три ночи кряду. Я вела тихую жизнь. И мои импульсы не всегда были неуправляемыми, как могло показаться со стороны. Но теперь я знала точно, какие из них доставят мне радость, а какие нет.

Иногда я понимала, что есть места, куда мне лучше не ходить. И тем сильнее мне хотелось туда. А кто бы не захотел, скажи ему или ей, что туда нельзя? Последним запретом было материнство; иначе говоря, дар любить и быть любимой. Это было для меня единственным табу.

Я хочу! В этом чувстве присутствовала чистота, которой были лишены другие ощущения, и простота, даже при том, что оно оставалось самой сложной вещью в мире.

Иногда я упрямо шла на поиски беды. Иногда я заходила в бар на другом конце города и заказывала себе стакан за стаканом, глядя в упор на кого-то до тех пор, пока он не поднимал на меня глаза, после чего и начинался танец, далеко не изящный, но исполненный своей грубоватой динамики. Эти ритуалы имели для меня большое значение. Они формировали мой объект желания, помогали мне нащупать его острые углы и скрытые изломы. И все же я не могла вполне ощутить его форму, он утекал сквозь пальцы, как вода.

«Выбор – это иллюзия», – сообщила мне женщина, с которой я однажды столкнулась в туалете бара, где она подправляла помаду на губах. «Вы никогда не задумывались о том, насколько все в нашей жизни бесполезно?»

Вообще-то я ей ничего не сказала. Но у меня и сейчас такое лицо, что незнакомые люди испытывают желание заговорить со мной, пожаловаться или исповедаться, точно знают меня тысячу лет. Та женщина была куда красивее, чем я. Волосы плотно облегли ее лицо, а губная помада была цвета темной крови. Может быть, она была сильно пьяна, а может, она была эмиссаром с заданием показать всем нам, как выглядит и что чувствует добропорядочная женщина с синим билетом, и как можно на полную катушку наслаждаться уготованной тебе жизнью. Я точно не знала, так ли действуют эмиссары, но свои подозрения на этот счет у меня были. В любом случае мне захотелось ее расцеловать, потому что тогда я все еще верила в красоту и хотела заразиться ее добрым к себе отношением, потому что я и сама напилась, и еще потому, что никогда не была ничем удовлетворена.

Я стала встречать такой тип женщин везде, стоило мне начать присматриваться. Я и себя причисляла к этому типу, и в один прекрасный день все они стали казаться мне тайными аген-

тами, которым поручено избавить род человеческий от независимости, удовольствий и возможностей для самореализации. «Это же прекрасно!» – хором кричали они, столпившись в курительных комнатах баров, сидя в одиночестве за ресторанными столиками, высовываясь из автомобилей и вагонов, приподнимаясь в кроватях, многие в элегантных костюмах или иной униформе, призванной подтвердить их значимость. Они совершали впечатляющие поступки и тратили время, гоняясь за стоящими наслаждениями, и я была сродни им, и эта наша близость иногда порождала у меня ощущение, будто я птичка из их милой стаи, мчащейся сквозь горячую пустоту неба, и мне было хорошо, и это было прекрасное, чудесное ощущение, оно было и впрямь прекрасным, и со мной теперь явно что-то происходило, и я наконец поняла, что не могу этому воспрепятствовать.

Ну, что плохого в исследовании жизни, оправдывала я себя. Я просто не боюсь своих желаний. Мне всегда хотелось чего-то большего, я считала, что это, в сущности, очень хорошее качество, и даже если тебе невдомек, куда тебя могут завести твои желания, послушное подчинение им может иметь могучий просветительский смысл. По меньшей мере, доставить удовольствие.

(Ты что, хочешь умереть? Этот вопрос врачи задавали мне много лет подряд. Не всегда, отвечала я. Вообще-то нет.)

Иногда мне снилось, что меня заперли в темной комнате без окон и дверей, откуда было не выйти, и я ощущала жуткую боль в районе грудины, под мышцами и костями, и эта боль была частью меня, хотя и вызывала во мне отторжение и страх.

Много лет назад я увидела нечто, чего, как мне казалось, я не должна была видеть. Девочку с белым билетом на заднем сиденье автомобиля, за рулем которого сидел эмиссар: они ехали прочь от лотерейного дома. Она слегка опустила стекло и прижала лицо к образовавшейся щели. Вид у нее был несчастный, хотя вряд ли она стала жертвой похищения. Она находилась под защитой. Я даже захотела взмахнуть рукой, остановить машину и спросить, можно ли мне внутрь. Я боялась, что пропустила какое-то жизненно важное указание, и глядела на плавные очертания мчащегося по дороге автомобиля, пока он не скрылся из виду.

Но это же нечестно. Иногда я выходила из приснившейся мне темной комнаты с такими словами на губах, как будто я повторяла их снова и снова. Это же нечестно.

Когда я подумывала о том, чтобы спалить свою жизнь дотла, а такие мысли приходили мне в голову все чаще и чаще, я гадала, есть ли на свете другие женщины с белыми билетами, которые тоже мечтали разрушить до основания свою жизнь. Быть одинокой и никому не видимой и считать это блаженством – потому что в этом было некое блаженство, – я еще могла видеть в этом блаженство как бы со стороны, словно оно осталось там, где я его бросила, и его свет теперь был далек от меня и недостижим.

Но вместо него пришли желания настолько чуждые, что впору было лишь предположить, что они долгое время таились во мне, как глубоко засевшие занозы или осколки снаряда, ждущие выхода наружу. Желания, с которыми мне никогда не приходилось иметь дело. Например: держать на руках мягкое существо с огромными глазами или мурлыкать песенку без слов. В супермаркете я хватала с полки трехкилограммовый мешок сахара и начинала его убаюкивать, потом поспешно клала на место.

Я часто представляла себе шевелящиеся пальчики младенцев или думала о горячем молоке. Я думала о том, как кто-то каждый день возвращается к тебе домой, о том, что ты в ком-то нуждаешься и что кто-то нуждается в тебе. Я открывала бутылку красного вина в точности как отец, а потом открывала свой медальон, смотрела на синеву спрятанного внутри билета и упрямо думала: он же белый!

Я не могла отделаться от мысли, что где-то допустили ошибку, и на самом деле дарованная мне жизнь не была моей. Дорогой, по которой я не пошла. Точнее, дорогой, для меня закрытой.

Но я не могла рассказать об этом доктору А. Я не могла узнать у него, кто принимал решение, кто стоял за лотерейной машиной тогда, много лет назад, и судороги от тех моих первых месячных скручивали мне живот, точно это был мокрый носок.

Мне не у кого было спросить. Я оставалась наедине со своим желанием – волокнистым и тягучим, словно бобовый стручок: я встречалась с этим желанием по ночам, когда лишь луна сияла в окне, и единственная жизненная стезя, которую я перед собой видела, была для меня под строжайшим запретом.

А я так ее хотела, хотела, хотела!

Дома

1

Через восемнадцать лет после лотереи. Я дома, стою в молочно-белой ванной, бесстрашно глядя на себя в зеркало. На полу под раковиной стоит бутылка водки из морозилки, стакан, пинцет и маленькие плоскогубцы. На стакан насажена долька лайма. На мне только нижнее белье – белый хлопковый бюстгальтер и трусики, прилипшие к моему вспотевшему телу. Я снова наполнила водкой стакан и сунула в рот сложенную фланелевую тряпочку, чтобы стиснуть ее зубами. Я села на корточки, осторожно засунула руку внутрь своего тела и сжала зубы. Меня всегда изумляло, в какие немыслимые стороны мозг может приказывать телу двигаться. Порой это казалось просто невозможным, что мозг и тело могут действовать настолько рассогласованно, но доказательство тому можно было найти повсюду.

Долгие недели внутри меня жило это новое темное чувство. Словно это был странный хищный призрак, из-за которого меня постоянно мучила головная боль, сжимавшая виски, и даже прописанная доктором А микстура – три капельки под язык – не спасала. Поначалу возникшее во мне желание мало чем отличалось от прочих моих желаний, поэтому я не видела ничего плохого в том, чтобы лелеять его в себе. Я давно привыкла к инстинктивным желаниям, но это отличалось от них. Я и не знала, что способна так тосковать, так горевать. Стоя в ванной, засунув в себя пальцы, я понимала, что поддаюсь этому желанию, допускаю его в еще не исследованные закоулки своего естества. И оно влекло меня туда, откуда мне больше не будет возврата, и я принимала его, немного с опаской, но в общем с восторгом, словно собиралась прыгнуть в безбрежное море.

Кончиками пальцев я нащупала металлическую спираль и кусочек своей плоти. Меня охватило ощущение какой-то всеобъемлющей неправильности, похожее на удар током, и я поняла, что мне нужен пинцет. О, пожалуйста, пожалуйста, взмолилась я безмолвно, умоляя нечто, взывая к силам, в какие не верила. Фланелевая тряпка пропиталась моей слюной. Я предприняла третью попытку – на сей раз с помощью плоскогубцев, которыми я пользовалась дома для мелкого ремонта. Я брала их в руки, когда чинила сломанную раковину или чтобы завинтить разболтавшийся шуруп. Теперь я чинила себя. Я была где-то в другом месте. А внутри меня что-то разболталось, и я дернулась. Моя рука скользнула. Я выдернула спираль наружу, она была крошечная, как грудная косточка у птицы. Когда я кинула ее на пол, кровь разбрызгалась по белому кафелю. Я выпила еще водки, теперь уже просто прижав горлышко ко рту, и у меня свело желудок. Спокойно, спокойно, приказала я своему телу, точно оно было норвистой лошадей. Все само худшее уже позади.

2

До этого я пять лет подряд посещала доктора А. Однажды я пришла к нему на прием, а он сидел в своем кресле и раскачивался взад-вперед так, словно никогда с него и не вставал. Никто не мог мне объяснить, куда подевался мой прежний врач. Доктор А был уже моим третьим врачом – и, по правде сказать, самым любимым.

– Врач – он тебе как мать, – сообщил мне доктор А. в нашу первую встречу, а я рассмеялась, потому что его слова показались мне абсурдными, но и справедливыми.

– Чтоб вы знали, – заявила я ему тогда, – я вам буду как дочь.

Доктор А. умел слушать, но не боялся говорить. Иногда мне хотелось, чтобы он все же боялся говорить. «Это для твоего же блага», – заметил как-то он. Это для твоего же блага – слушать вещи, которые ты не хочешь слышать. Он наполнял пробирки моей кровью, непонятно для чего, и внимательно следил за меняющимися показаниями моего веса и кровяного давления. Он кивал и выписывал мне лекарства на желтых листочках, которые я либо сохраняла, либо скатывала в шарики и засовывала глубоко под скомканные салфетки в мусорных корзинах в туалете поликлиники – в зависимости от своего настроения в тот день. Иногда я просила его выписать мне какие-то определенные таблетки, но он всегда отказывал, приговаривая: «Ага, сейчас!» Если уж тебе что-то надо, следует идти не напролом, а в обход. Чтобы его обдурить, приходилось выдумывать симптомы.

– А, ты хочешь зелененькие! – говорил он, постукивая ручкой по блокноту так, словно хотел меня проткнуть. У него были очень красивые руки, хотя я старалась этого не замечать. Мне просто не хотелось слишком заикливаться на такого рода чувствах, но, когда он подходил ко мне слишком близко и казался чересчур привлекательным, я вспоминала, что пациентки нередко занимаются сексом со своими врачами ради благоприятного диагноза или же потому, что больше не в силах устоять перед их прикосновениями. Прикосновение, должна признать, и впрямь очень соблазнительное действие, хотя я горжусь тем, что ни разу не спала со своим врачом.

Впрочем, доктор А вообще мало занимал мои мысли. Он был частью привычной жизни, вроде утренней пробежки по нашему парку, где я обычно обгоняла более медлительных бегунов. Другие женщины, как и я, были одеты в нейлоновые велосипедки, и медальоны колотились о грудную клетку, оберегавшую наши сердца. Иногда мы здоровались, но в основном молчали. Мы жили далеко от центра города, окольцованные множеством дорог. Когда я туда переехала, мне поначалу было трудно спать из-за проезжающих машин, но потом их несмолкаемое урчание стало для меня привычным фоном, и я всегда спала с распахнутыми окнами.

После ежедневной пробежки я совершала долгую пешую прогулку к лаборатории, где работала, мой лабораторный халатик лежал свернутым в рюкзаке. Сознание того, что я каждый день направляюсь к месту, где царит абсолютная предсказуемость, вселяло в меня спокойствие. По дороге на работу я выкуривала ровно две сигареты и пила кофе из белой керамической фляжки. По мере моего продвижения к центру города людей вокруг становилось все больше, меня окружали спешащие мужчины и женщины, которые тоже курили и тоже пили кофе из фляжек. Подходя к зданию лаборатории, я тушила вторую сигарету о каменную стену и стягивала волосы на затылке эластичной резинкой, дважды оборачивая ее вокруг хвостика. Тебе не обязательно туда входить, уговаривала я себя ласково, но, разумеется, всегда входила.

3

По пятницам, когда вся запланированная на неделю работа была выполнена, опасные химикаты заперты в шкафах, наши руководители выставляли темные винные бутылки. Сидя на протертых от пятен скамейках и болтая ногами, мы пили вино из плотных пластиковых стаканчиков, на их стенках бликовал свет. Это было мое любимое время суток и недели. Мы ждали этой минуты весь день. Вино было для нас питательным, как суп, темный и терпкий, и я с первого глотка чувствовала, насколько оно мне полезно, укрепляет мои мышцы, распалает или умиряет мой непокорный дух.

В туалете мы переоделись в повседневную одежду. Мои лосины уже были сморщенные. Они всегда были сморщенные. Кафельная плитка в туалете была темно-зеленого цвета с белой каемкой, лампы светили тускло. Глядя на свои отражения, пляшущие в длинном зеркале над раковиной из нержавеющей стали, мы уже представляли себя дочерьми ночной тьмы. В маленьком окошке под потолком виднелся кусочек неба – чистый ультрамарин, быстро темнеющий.

Подростковая пора миновала. Для нас с отрочеством было покончено. Но мы не тосковали по этой поре. Теперь с нами могло произойти все что угодно. Мы рисовали в своем воображении тусовки по всему городу, новых знакомых, с кем нам суждено было встретиться: они дожидались нас под ярким светом уличных огней там, где мы меньше всего надеялись их увидеть. Если ты была синибилетницей, твоя жизнь могла измениться в любое мгновение, ты сама могла ее изменить в любой момент, и нас переполняли то спокойствие, то тревога по поводу возможностей, таящихся в такой свободе.

Уложив волосы, мы помогали друг другу нанести макияж, мы пускали по кругу тюбик губной помады, как сигарету, а потом угощали друг друга настоящими сигаретами и шли по барам, по дороге прикладываясь по очереди к бутылке вина. Я прижимала бутылку ко рту, высоко задирая ее к небу, и отпивала глоток. Вино стекало по подбородку, и я пальцами отирала винные струйки. Мне нравился этот ритуал: нравилось ощущать винную пленку на губах, запах лака для волос, нравилось зачесывать наверх волосы и распылять спреем парфюм на шею. Мне даже нравилось, как иногда, когда мы уже подходили к бару, тротуар под ногами вдруг вздымался к небу, а мои подружки хлопотливо поднимали меня на ноги – коленка разбита в кровь и вечные синяки на голених. Ни слова осуждения. Просто меня возвращали в вертикальное положение, как тому и следовало быть.

В третьем баре, куда мы зашли, я увидела мужчину, который пил пиво из стакана без логотипа. Он был на целую голову выше меня – это первое, что бросилось мне в глаза, а потом уж я заметила его широкие, чуть покатые плечи в черной куртке – плечи покладистого мужчины, который как будто интуитивно чувствовал, какое пространство занимает его крупное тело, но не робел из-за этого: по всему было видно, что он идет по жизни не бездумно. Этот сойдет, подумала я.

Мои спутницы куда-то подевались. Мы с ним пили коктейли медового цвета, от которых сумрак бара наполнялся уютным теплом. Его звали Р, и он был старше меня, но ненамного. Он щедро расплатился за выпивку. Белая рубашка, пачка банкнот в заднем кармане брюк. Трудно было преодолеть искушение дотронуться до него. Чуть позже, уже переместившись за столик в углу, когда мы оба были жутко пьяные, я показала ему, только на секунду, свой синий билет, спрятанный в медальоне. Раскрыла и снова закрыла, словно голодный рот. Кое-кто из мужчин опешил бы, но только не он. Он вращал между пальцев картонную подставку под пивной стакан.

– Ну и хорошо, – произнес он. – Это по мне.

Я залила золотистого напитка в рот, чтобы не дать себе сболтнуть какую-нибудь глупость. Он положил мне ладонь на колено и не убрал. Во мне вспыхнуло жгучее желание, даже сердце на мгновение остановилось. Все мои сослуживицы уже ушли, а я и не заметила. Мы вышли из бара, он затащил меня в темный угол и навис надо мной. Он поцеловал меня в губы, а я схватила его за ремень и привлекла к себе на секунду-другую, потом оттолкнула, положив обе ладони ему на грудь, после чего помчалась по омытой дождем улице к железнодорожной станции, возбужденная, охваченная темным чувством, не оборачиваясь, хотя я знала, что он глядит мне вслед.

Это темное чувство клокотало в моем теле, бурлило, как кипящая жидкость, вроде лужи крови или черной смолы. Меня обуяла яростная радость – вот так я бы описала это чувство. Дождаясь своей электрички, я рыдала, но мне не было грустно.

Вагон был ярко освещен, и кроме меня в нем ехала еще одна женщина, с рыжими волосами, в длинной юбке, с розовыми пятнами на щеках; она посмотрела на меня в упор, потом встала и прошла в дальний конец вагона, чтобы отсесть подальше. И я подумала, что, должно быть, ей внушила отвращение моя внутренняя слабость, которую она интуитивно уловила и которой не захотела заразиться. А может быть, она была, как и я, пьяна и, оказавшись в вагоне, просто захотела побыть одна.

Я встретила собственный взгляд в темном окне, когда поезд въехал в туннель: лицо осунувшееся и бледное, волосы всклокочены. Едва войдя в квартиру, я напрямик прошла в спальню и, не раздеваясь, рухнула на кровать. Во рту я ощущала тяжелый вкус алкоголя. И я точно знала, что я за женщина, какого рода я женщина, и мне больше не хотелось быть такой – от кого люди шарахаются в вагоне электрички и кто позволяет незнакомым мужчинам себя целовать, грубо, похотливо, в темном углу, среди коробок с пустыми бутылками из бара, я все повторяла про себя: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста», точно заклинание – пока меня не сморил сон.

4

Воспоминания о более ранних периодах моей жизни не возвращались ко мне во время визитов к доктору А, даже когда он приглушал свет в кабинете и клал ладони мне на голову, словно целитель-шарлатан. А я только потела, так, что у меня начинало щипать в глазах, и кожа становилась липкой.

– Расскажи мне о своем путешествии в город, – попросил доктор А, листая свои записи. – О путешествии, с которого началась твоя жизнь.

«Ага, сейчас!» – теперь была моя очередь съехидничать.

Я никогда не рассказывала ему про это. Ни про шуршание крыльев летучих мышей – про этот звук, как будто ногтем царапают по столу, который долго стоял у меня в ушах. Ни про стайку крошечных лягушек, которые ранним утром вприпрыжку пересекали дорогу целых десять минут, и я воочию увидела, как мне в будущем предстоит выживать. Мне нужно было найти себе какую-то опору, найти ее в вещах, которые больше ни для кого не имели никакого значения. В них не было никакой тайны, до которой следовало докопаться, они не обладали никакой жизненной важностью. Они просто существовали сами по себе.

– Тебе никогда не казалось, что ты обладаешь способностью манипулировать людьми? – спросил доктор А любезным голосом, словно у меня был выбор, посещать его или нет. Он поймал мой взгляд.

– Ну а кто не обладает? – ответила я так же любезно. Такое вот между нами установилось взаимопонимание. Он снял очки.

– Мне кажется, ты психически нестабильна, – продолжал он, – ты слишком много пьешь, потому что очень несчастна. Ты же знаешь: у тела есть свои инструменты обратной связи. И тебе известно, что ты их активизируешь своими негативными действиями. Ты только все ухудшаешь. И что потом?

– Это вы мне скажите! – ответила я.

В тот день доктор А был суров. А я бы предпочла, чтобы он улыбался и проявлял снисходительность. И еще мне хотелось, чтобы он угостил меня мятными конфетками в красную полоску, которые лежали в блюде на кофейном столике. Окно было приотворено, и я слышала шум транспорта вдалеке, который нарушал неестественную тишину. Он что-то записал в своем блокноте. Я смотрела на вращающуюся кассету диктофона, фиксирувавшего каждое произнесенное мной слово, все, что я за это время поведала ему в этом зеленом кабинете, и мне стало не по себе, словно меня подвесили на веревке.

– Я уже давно не ощущаю себя несчастной, – заявила я. – Мои несчастья – это кожа, которую я давно сбросила.

– Несчастье имеет циклическую природу, – заметил он. – Не позволяй себе впасть в самоуспокоенность. Ты никогда не будешь ограждена от этого. Никто не огражден.

Иногда наши сеансы напоминали мне спортивное состязание. Мне нравилось стараться его победить, хотя я и знала, что никогда не смогу. А иногда я прогибалась, точно старый матрас, когда уже больше не могла выдерживать наше единоборство.

Он взглянул на меня.

– Ты побледнела. Я могу считывать настроение по твоей коже. Подумай над тем, что говорит тебе твое тело.

Он передал мне бумажную салфетку, а я зажала ее в кулаке, позволив своим глазам наполниться слезами.

– Вот и хорошо, – кивнул он. – Выдави все это из себя.

Он дал мне листок бумаги.

– Увидимся в четверг.

Прием был закончен, я чуть не бегом бросилась к машине и, оказавшись внутри в полной безопасности, прижалась лбом к рулю.

5

Когда я в первый раз привела Р к себе в низкий белый коттедж в пригороде, я точно знала, что все соседки будут стоять у окон и пялиться, чтобы потом при случае, когда я выйду из дома по делам или на пробежку, ткнуть меня в бок и подмигнуть. «Высокий красавчик, – скажут они мне. – А куда же делся прежний?»

Войдя на кухню, я налила в два стакана равные порции водки и сока, чтобы ускорить процесс. На края стаканов приладила бумажные зонтики для красоты. Небольшой букетик фрезий, который он мне принес, поставила в пустую водочную бутылку, предварительно ополоснув ее водой. В гостиной он снял галстук и пиджак и аккуратно повесил на спинку деревянного стула. Мне нравились его манеры, как и красивые очертания мускулистых рук, а когда он взял стакан, мне понравилась и его улыбка. Я надеялась, что все это передастся от него нашему ребенку. И эта мысль заставила мое сердце замереть от тревоги.

Мы немного поговорили о работе. Он стал спрашивать про эксперименты, которыми я занималась, но я сказала, что это секретно, что вообще-то было ложью, но мне просто не хотелось с ним откровенничать. Он работал в одном из стеклянных небоскребов на другом конце города и жил рядом с офисом в похожем небоскребе. Начав рассказывать, чем занимается, он оживился и стал еще красивее, но я слушала его невнимательно, не хотела терять ни секунды. Я подошла ближе, села к нему на колени и поцеловала.

– Ого! – выдохнул он, обняв меня.

Я налила нам по второй, и мы отнесли стаканы в спальню. Он стал действовать одновременно деловито и обольстительно: расстегнув на мне платье и стянув его с меня, окинул оценивающим взглядом мою фигуру, потом, прежде чем дело зашло слишком далеко, вынул из бумажника презерватив в серебристом пакете и положил его на столик рядом с кроватью.

– Это тебе не нужно, – заметила я.

– Нужно, нужно, – великодушно возразил он, снимая рубашку.

Я немного боялась, что он каким-то образом почувствует таящееся во мне темное чувство. Иногда, перед тем как уснуть, я клала руки себе на живот и ощущала, как глубоко внутри что-то пульсирует, и это было, в чем я не сомневалась, осязаемым проявлением моего темного чувства, но когда я тайком прочитала об этом какие-то статьи, оказалось, что просто там пульсирует артерия, по которой бежала живительная кровь.

Я старалась держаться целомудренной скромницей, но это было невозможно. Я ничего не могла с собой поделать: меня обуревало вожделение. Пару раз, когда он целовал меня в висок, я ощущала опасность возникновения теплоты, душевной близости, а мне этого совсем не хотелось, потому что я знала: если мне это придется по вкусу, сразу же возникнут непреодолимые проблемы. Он остался на ночь, и второй раз уже не вспомнил о презервативе, как и в третий раз, утром. Акт был энергичный, вроде аэробики. После я ощущала себя непривычно здоровой, а вовсе не стыдливо униженной, мое тело неслышно пело. Он ушел рано, и я его не удерживала, меня это устраивало.

Но после его ухода я не стала собираться на работу, а наполнила мукой носок и стала его гладить, чтобы почувствовать вес и форму детской ножки. Я никогда в жизни не прикасалась к детской ножке, но мое сердце прекрасно знало это ощущение. Я же видела фотографии.

Я лежала ничком на кафельном полу ванной, и меня терзала запретная мысль о желании умереть, хотя я не была уверена, правда ли мне этого хочется. Правда и ложь перестали быть для меня противоположностями. Мое тело теперь говорило со мной на языке, которого я до сих пор не слышала.

Помимо своей воли я понимала: желать, чтобы зыбкое пламя твоей жизни сотворило нечто иное, чем то, что тебе положено, – немыслимо, но, тем не менее, вот же я тут, и я это

делаю! Я не знала, как поступали с нелегально забеременевшими женщинами, хотя и допускала, что таких немало, и я не единственная. Интересно: материнство можно запретить в приказном порядке и можно ли этого тебя лишит в случае обнаружения? Или это нечто такое, что надо пережить до конца, несмотря ни на что? Моя жизнь не была вопиющим примером развращенности, и мне хотелось верить, что это меня и извиняло, хотя я знала, что ничего подобного не будет. Ведь я не могла заменить свой синий билет.

Когда я пробовала на вкус фразу «Я пыталась этого не желать, но ничего не смогла с собой поделаться», она звучала так приятно, что я повторяла ее снова и снова. Прошу вас, учтите, что я не была сурвивалисткой² или кем-то, кто инстинктивно любит жизнь и живет ее гладко. Прошу вас понять, я наделала кучу ошибок, но некоторые из них были необходимы.

– Высокий красавчик, – заметила моя соседка Айона, как только я вышла из дома. Она зашагала рядом и закурила, протянув мне пламя зажигалки, чтобы и я могла прикурить. – А куда делся прежний?

– Я его убила, Айона! – ответила я. – Он похоронен под яблоней. Можешь выкопать его, если не веришь!

Затяжка, выдох. Сколько можно остерегаться? Мое желание вырвалось наружу. Теперь надо заглянуть внутрь и посмотреть, что там. Теперь я и впрямь сожгла все мосты – что сделано, то сделано!

Она расхохоталась:

– Ну ты и гадкая девчонка!

Я согласилась. И выпустила изо рта струйку дыма.

---

² *Сурвивализм* – движение, объединяющее адептов подготовки к выживанию после глобальной катастрофы (ядерной войны и т.п.).

6

Идти на водную аэробiku было еще рано, поэтому я зашла в кафе спортивного центра, купила пластиковый стаканчик разведенного сока и села за столик. Отсюда я не видела занятия детской группы по плаванию: детишек свозили сюда на автобусах со всего города и из тихих пригородов, где жили женщины-белобилетницы со своими семьями. Но я слышала их душевраздирающие вопли. Какая-то незнакомая женщина поймала мой взгляд и скривилась, качнув головой в сторону бассейна.

– Ну и гвалт! – укоризненно произнесла она.

– Да, – согласилась я.

– Какое счастье, что у меня этого нет, – сказала женщина и как ни в чем не бывало продолжила завтракать, уткнувшись в свой журнал. Она поднесла ко рту тост, обильно намазанный арахисовым маслом. Она казалась и впрямь счастливой. У нее была гладкая кожа, вроде бы дорогая одежда. Интересно, подумала я, как она проводит дни, где работает, что у нее за дом, к чему или к кому она привязана, благодарна ли она судьбе за свою полную свободу?

Может быть, ее жизнь такая же, как моя. До того как прийти сюда на занятие, я некоторое время работала над статьей на тему своей работы, потом навела чистоту в ванной, отдраив растворителем все, от пола до потолка, – как я люблю. Позже я планировала опуститься на четвереньки перед Р в гостиной – там, где малыш в иной реальности мог бы разбрасывать игрушки и, подняв их с пола, тащить в рот. Мы с ним будем пить вкусный вермут, и мне все равно, напьюсь я до беспамятства, до жуткого похмелья, которое испортит весь день, или нет, потому что за ним последуют другие бесчисленные дни, когда все будет зависеть только от моего выбора. Я дошла до станции электрички летящей походкой. Мое время целиком принадлежало мне, и моя жизнь была только моей жизнью.

Но теперь, под звуки детских голосов, все эта жизнь испарилась. Словно открыли клапан. Словно сработал рефлекс. Я впиалась ногтями в ладони и одним махом допила сок. Но я не расплакалась – теперь я уже привыкла к вторжениям подобных мыслей перед занятиями в бассейне. Это все результат притупления чувств. Я стала безразличной. Темное чувство росло во мне, надувалось в моей груди, как воздушный шар.

Подойдя к бассейну, уже переодевшись в черный лайкровый купальник, я заметила в воде несколько ребятишек. Совсем малыши. Они хохотали на разные голоса. От запаха хлорки у меня запершило в горле. «Я кое-что забыла», – сообщила я своим одноклассницам и поспешила обратно в раздевалку, там вошла в общую душевую, присела и резко открыла вентиль, чтобы шум льющейся воды заглушил мои рыдания. Когда я успокоилась, все уже плескались в бассейне.

Спасатель, сидящий на красном стульчике, дождался, когда я войду в бассейн, после чего нажал кнопку воспроизведения на магнитофоне. Зазвучала музыка. Я подняла руки, потом развела их в стороны, потом присела под воду. Женщины выделяли пируэты рядом со мной, расплескивая воду и размеренно взмахивая руками. Оказавшись под поверхностью, я увидела вокруг себя чужие ноги. Складывалось впечатление, что я попала внутрь диковинного зверя. Когда все выпрямились и инструктор похвалил нас, вода ручейками стекала по нашим телам, и нам было холодно под высоким арочным потолком. Но мы не чувствовали себя одинокими, да мы и не были одинокими.

7

– Вера – неотъемлемое свойство нашей практики, – изрек доктор А. – Вера в то, что я знаю тебя лучше, чем ты знаешь себя.

Мне не хотелось верить доктору А по необходимости, но я испытывала некое облегчение, вверяя себя ему. Облегчение я испытывала и оттого, что на все получала разрешение; точно такое же облегчение я испытывала, зная, что в жизни мне не придется выбирать некоторые маршруты.

Как-то я ему сообщила, что хочу стать, как и он, врачом, а он только посмеялся надо мной.

– Чтобы стать врачом, – отметил он, – требуется определенный склад личности, а у тебя, при всем уважении, такого склада нет, но ведь ты и так отдаешь себе в этом отчет, правда? Например, – продолжал он, – мне сделали инъекцию, после которой мое сердце на десять секунд остановилось. Это часть моего обучения. Так что, технически говоря, я мог умереть, а потом снова вернуться к жизни.

– Чтобы вы могли ощущать свое превосходство над нами? – поинтересовалась я.

– Вообще-то, чтобы я мог понимать происходящее и помогать вам, – ответил он.

Редкий случай близости в процессе взаимодействия, имеющего целью достичь такой близости. Доктор А знал, в чем заключается моя слабость, что меня одновременно влекло к нему и отталкивало, когда он впускал меня в душу. Но я не могла ему сопротивляться.

– И что же вы там увидели? – спросила я.

– Ничего. Я словно попал в комнату с зашторенными окнами. И этого я никогда не смогу забыть. Лучше тебе в ту комнату не попадать.

– Но что, если я уже в той комнате?

По-моему, это замечание вызвало у него улыбку, но его рыжеватые усы в тот день были длиннее обычного и прикрывали рот, так что я не поняла, улыбнулся он или нет. Но вид у него был утомленный. Со стороны трудно было определить возраст доктора А, но тогда мне казалось, что ему лет сорок пять. А в следующий мой визит к нему он выглядел иначе. Иногда я сидела в машине и дожидалась, когда он выйдет из клиники, но я видела массу выходящих из дверей сотрудников, а его среди них никогда не было, даже когда становилось совсем темно.

8

Мы с Р быстро выработали график встреч. Когда я приезжала в его район на электричке или на своей машине, мы занимались сексом в его чистенькой скромной квартирке, после чего шли в ресторанчик неподалеку, где заказывали яичницу или пасту. В лифте мы не разговаривали, но изредка поглядывали друг на друга, даже обменивались улыбками, а иногда в лифте оказывался мужчина, сосед Р, и тот с ним здоровался, и мне нравилось, как звучал его голос, когда он обращался не ко мне. У меня в такие моменты создавалось впечатление, что я подслушиваю чужой телефонный разговор или читаю чужие письма. Я уже поняла, что не стану частью его мира, и смирилась с этим. Всякий раз Р щелкал суставами пальцев и, глядя в зеркальную стенку лифта, поправлял воротник. А я размышляла о том, как такие мелкие жесты постепенно, сами собой, способствуют возникновению между людьми душевной близости, хотя бы они того или нет. Я глядела на свое отражение. Рядом мы смотрелись очень неплохо. В ресторанчике мы ели с такой жадностью, словно многие годы жили впроголодь, и наши колени иногда соприкасались под шатким деревянным столиком.

Довольно скоро он стал относиться ко мне с меньшей обходительностью. Например, больше не заводил разговоров о презервативе. Меня это даже немного коробило, хотя в этом и состоял мой план. Было бы здорово, если бы он хотя бы притворялся, будто любит меня, даже когда он, тяжело дыша, говорил мне в постели, что я похотливая потаскуха. А я только стонала в ответ: «Еще! Еще!» Лозунг моей жизни. Я, когда хотела, могла быть очень милой.

Ко мне домой он тоже приходил. Лежа с ним в своей постели, я ощущала на его коже отметины других его женщин-синебилетниц, словно он их впитал в себя: им нравилось, как они себя с ним вели. Мне было интересно, где они все, эти его женщины, прошлые или настоящие, как они вообще попали в его объятия. Ты обязана расплачиваться по счетам за свое горе, говорила я себе всякий раз, когда он уезжал к себе. Мой дом пуст. Мои соседки еще спят в своих домах. И каждый раз я задирала ноги над головой, упиралась ими в стену над изголовьем кровати. Силу гравитации не отменить. И гравитация была на моей стороне. А потом утром на стене над кроватью виднелись грязные следы ног – едва заметные, но все же, – и каждый раз они терзали мне душу, словно принадлежали моему призраку, или принадлежали мне, но в другом мире.

Как-то, ради разнообразия, мы отправились в мотель для влюбленных, которым все в городе пользовались. Это не было в полном смысле слова путешествие, потому что мотель располагался недалеко за городом. С балкона нашего номера можно было любоваться яркими городскими огнями, что мы и делали, когда выходили покурить в перерывах между сексом. Номер был выдержан в неряшливо-белых тонах, покрывала на кроватях были бледно-розовые, на фанерном изголовье нарисованы красные и синие птички. Я насчитала на одеяле три дырки от сигарет и, накрывшись им, легла на живот. Он зарылся лицом в мою шею.

– Ты симпатичная, ты красивая, – сказал он. Но это были только слова. Только звуки, вырвавшиеся у него изо рта.

Он прихватил с собой пластиковый пакет с пивом, и бутылки уютно позвякивали внутри. Мы наполнили ванну холодной водой, положили туда пивные бутылки и лед, который заказали у портье. Когда мы здорово набрались, я вынула одну бутылку, завернула ее в полотенце для рук и прижала к себе, как младенца. Он не оценил юмора, но мы пили пиво из бутылки-младенца, передавая ее друг другу, пока не осушили.

Он немного рассказал о том, как оказался в городе. Это было похоже на поход с ночевкой в палатках. Его приятели предложили ему поехать с ними. Иногда их группа задирала другие такие же группы.

– Я был из них самый высокий и самый сильный, – объяснил он. – Я уже считал себя мужчиной. Никто со мной не связывался. У нас не было лотереи, но не думай, что нам было легче. – В его голосе прозвучала уязвленная гордость. – Может быть, мы с тобой ехали по одной и той же дороге.

– Надеюсь, что нет, – заметила я, и он рассмеялся.

Уж я-то знала, чем мальчишки занимаются на этой дороге, но не стала уточнять.

Выпитое пиво избавило меня от всех запретов. Я позабыла обо всем, кроме наших тел, и стояла посреди номера на коленях, вытянув руки вперед. Я с удовольствием ощутила рассыпавшиеся по плечам волосы, избавив их от тугой резинки. Подушка была прижата к моему лицу. На шее лежала его рука, большой палец прижат к ямке под кадыком. Он вторгался в меня раз за разом. Потом вышел и кончил мне на живот, и потом не вытер меня, а включил телевизор и стал смеяться над рекламой. А я лежала на полу, дожидаясь, пока его семя высохнет на моей коже, и мне доставляло удовольствие ощущать себя нечистой.

Но потом я ласково прижала его к кровати обеими руками. Мое тело маятником двигалось взад-вперед.

– Не шевелись, – попросила я. – Лежи и не двигайся.

Лампа в абажуре с бахромой тихо дребезжала над нами. Он смачно похлопал ладонью по моей ляжке. Я подождала, пока он обмякнет, и легла рядом.

Когда он уснул, я наблюдала, как по потолку друг за другом движутся отблески фар проезжающих по дороге автомобилей, и поглаживала гладкую впадинку на моей ключице, где его пальцы впились мне в кожу слишком сильно. Это было его любимое место на моем теле, но я никак не могла понять почему, что заставляло его постоянно зажимать эту невзрачную косточку и по какой причине он выбрал именно ее среди всех костей и мышц, из которых было сделано мое тело. У меня возникла одна догадка: наверное, все дело в ее хрупкости, но мне не хотелось у него спрашивать, мне не хотелось самой разочароваться или разочаровать его, потому что я не была такой уж хрупкой, меня не надо было оберегать, я была как темный ветер, как облако пыли, несущееся по пейзажу, и никто не мог ничего сделать ради моего блага.

Я заглянула внутрь своей холодной раковины в поисках чувства вины и ничего там не обнаружила. Только свое сердце, напряженное, словно кулак. У меня были мокрые ляжки. Я вполне могла уже забеременеть. Но кто бы мог это теперь сказать.

9

Я знала, что, если забеременею, месячные прекратятся. Вот то единственное, что я смогла почерпнуть за многолетнюю взрослую жизнь, хотя и это могло быть обычным городским фольклором. Сначала месячные пришли, как обычно, в срок. Но когда настала пора очередных, была задержка на день. Потом на два, на три, на четыре. Я нервно считала дни. Десять. Одиннадцать. Это напоминало игру в прятки или ныряние под воду во время моих занятий в бассейне. Я лелеяла надежду и не имела никакой надежды. Я сохраняла безразличие. Нет, неправда. Вовсе я не сохраняла безразличие. Но и признаться, насколько сильно я этого хотела, было настолько постыдным, что даже мне было не под силу произнести это вслух. А если я и пыталась, у меня в мозгу возникали не четкие слова, а сплошной шум. Поэтому я просто считала дни. Ведь числа нельзя было ни в чем обвинить, они были простыми абстракциями.

Пятнадцать. Шестнадцать.

Моя руководительница подошла к моему столу в тот момент, когда я выдавливала из пипетки ляпис в колбу с водой. Ляпис растворился почти мгновенно.

– Лунный каустик, – сказала она. Так они его обычно называли. Очень красивое название.

– Да вы поэт! – заметила я и сдвинула защитные очки на лоб, стараясь не касаться своего лица или глаз.

Я решила заниматься химией, потому что мне это нравилось. Потому что тут всегда можно было видеть конкретный результат работы, причем заранее известный результат, поскольку сочетания разных веществ уже до тебя протестировали многократно, поскольку другие лаборанты выполняли точно такие же процедуры. Разумеется, надо было действовать осторожно, чтобы не подвергнуться заражению, действовать выверенно, потому что даже ничтожное нарушение пропорций могло загубить химический процесс, направить его не в то русло. Но мне нравилась цикличность процедур, как и сама мысль, что я запускаю некие природные процессы, и способность науки все это объяснить.

Иногда моя жизнь казалась мне неудавшимся экспериментом. Я следовала всем инструкциям, но тем не менее не стала той личностью, какой должна была стать. Наверное, думала я, все дело в биологии, ведь биология куда менее точная область знания – плохая наука, как я злорадно стала себя уверять, но лишь оттого, что она меня не удовлетворяла. Верно и то, что я не обращалась с собой так же аккуратно, как с реактивами в нашей лаборатории. В лаборатории все стояло на своих местах, все зависело от точных формулировок на этикетках, от чистоты. От безошибочного выполнения процедур и протоколов. В кабинеты имели доступ только те, кому это было дозволено.

– Ты не душа компании, да? – спросил доктор А в нашу первую или вторую встречу. Мне захотелось продемонстрировать ему, что я оскорблена, но не смогла себя заставить.

Количество дней задержки все росло. Я повторяла числа снова и снова, между экспериментами выдавливая пеннистое химическое мыло и намазывая им ладони.

Двадцать. Двадцать один.

Двадцать два.

10

– Ты изменилась, – сказал мне доктор А. – Какая-то стала нервная. Как будто кто-то сообщил тебе секрет и попросил мне не говорить. Интересно, что бы это могло быть?

– Со мной все в полном порядке, – возразила я.

Он попросил меня подышать в спирометр, чтобы определить силу моих легких. Я дула в трубку, пока у меня не покраснело лицо и не закружилась голова. Он измерил мне температуру электронным градусником, который вставил в ухо и держал там, пока тот не запищал. Я молилась про себя, чтобы он не заставил меня сдать анализ крови и анализ мочи, не стал бы щупать мой живот и проводить осмотр внутренних органов.

– Похоже, все в порядке, – изрек он. – Будем наблюдать. – Он подался вперед. – Как часто в последнее время ты думала о своей семье?

– Совсем нечасто, – ответила я. – Я великолепно со всем справляюсь.

Доктор А улыбнулся.

– Ну и молодец! Только поглядите на нее: она со всем справляется!

11

А в барах, куда я заходила после работы, мое тело чувствовало себя совсем иначе. Спиртное отдавало металлическим привкусом, словно мне в стакан бросили монетку. И я быстрее пьянела. Я перешла с вина на джин с тоником, потому что считала, что хинин полезен для моего здоровья. От сигарет меня теперь подташнивало, мне было неприятно думать, что табачный дым проникает внутрь, клубится вокруг внутренних органов моего нового, ставшего вдруг таким незнакомым тела. Как-то вечером мы с коллегами разговорились о летних отпусках, и меня спросили, куда я собираюсь, а я ответила, что еще не решила. Может быть, в этом году попытаюсь оформить себе визу, сказала я, и в ту же секунду, едва произнеся эти слова, возненавидела себя за желание пройтись по опасной черте, точно кошка по карнизу.

Я заметила Р. Он помахал мне, подошел и поцеловал в щеку. Было приятно. Мы переместились в другой бар – туда, где познакомились, и сели за тот же самый столик, за которым сидели в тот первый вечер, но ни один из нас об этом не вспомнил. Может быть, он был тогда слишком пьяным, чтобы это запомнить. А может, я все это придумала. Я в отместку затеяла с ним перепалку, потому что то, что имело большое значение для меня, для него не значило ничего, но главным образом потому, что часть его сейчас была во мне буквально и росла, а он даже не догадывался.

– Почему тебе надо для всего искать какие-то подтверждения? – спросил Р в конце нашей перепалки. – Почему ты не можешь просто жить настоящим?

Но даже настоящее казалось мне слишком скользким, чтобы я могла на него полагаться. Вдруг эта перемена во мне стала невыносимой.

– Какой ты хочешь сделать свою жизнь? – спросила я, глядя на Р в упор, но не видя его.

– А что мне надо с ней делать?

– Не знаю, – отрезала я, внезапно охваченная отчаянием: мне захотелось положить голову на столик, прижаться щекой к твердой поверхности, залитой пивом. Но я сидела прямо.

– Выше нос! – бодро заметил он. – Все же отлично, радуйся!

Зазвучала его любимая песня, и он стал мотать головой в такт мелодии. Он осматривал помещение, а я осматривала его. Я вдруг испытала удивительную нежность при виде его ушей, седеющих прядей волос и того, как решительно он сжимает в руке стакан. Теперь мне все это нужно было держать в себе.

– Извини, – пробормотала я, но он не слушал.

Мои сны были ясные, четкие, словно омытые водой. В них угадывалась скрытая угроза, что, с моей точки зрения, само по себе было симптомом. Это подтверждало, что я вижу сны двух разных людей, и конечно, сны ребенка должны быть вот такими свежими и странными, цветными, словно вывешенными сохнуть, как фотоснимки на веревке.

В снах я видела себя девочкой, идущей по безлюдной дороге в город, а иногда девочкой в голубом атласном платье, идущей лесом, потом сидящей за рулем автомобиля и хранящей молчание, покуда мили исчезают под колесами. В моих снах я иногда пускалась догонять эту девочку и срывала у нее с шеи медальон. В других снах я бухалась на колени в прелую листву и воздевала руки в мольбе. Или мне снилось, как я выпрыгиваю из машины на полной скорости. Пожалуйста, молила я всякий раз, пожалуйста!

Или я оказывалась снова одна в ванной в доме отца, или в лесу, где сгребала ладонями сосновые иголки с земли, и мое тело не менялось, и мое будущее все еще таилось во всем вокруг: в деревенских запахах, в соседских домах, в кроликах, которые бились в силках.

Наутро я проснулась, и меня вырвало, хотя накануне я выпила не так уж и много, и я старалась не шуметь, чтобы не разбудить Р. Не буду торопить события, сообщила я своему отражению в зеркале. Была суббота, и я медленно шла домой пешком через весь город. В этот

еще ранний час пустынные улицы казались дочи́ста отдраенными, вокруг не было ни звука. Небо было уродливо-розовым, и в нем отражались стеклянные небоскребы. Такое было впечатление, будто небо кровоточило. Весь мир кровоточил – а я нет.

12

– У тебя есть два способа сделать это, – произнес доктор А, узнав о случившемся. Он спросил, когда у меня была последняя менструация, и я запнулась. Он уложил меня на смотровой стол, застеленный белой бумажной простыней, и ощупал мой живот, потом выдал мне бумажный халат и попросил раздеться. Нанес на кожу липкое желе и сделал УЗИ, пройдясь от сердца по всей брюшной полости: печень, желудок, почки. Монитор был отвернут от меня. Нахмурившись, он нажимал разные кнопки и внимательно всматривался в возникающие на мониторе изображения со сканера. Рано или поздно он все увидит. Я представила себе электрические импульсы моего прыгающего сердца, вслушиваясь в мерный шум торопливого морского прибора. Я молила, чтобы младенец сохранял спокойствие, если он знает, что для него лучше, но, как оказалось, он не знал.

Дождаясь приема в коридоре, я на секунду нагнула голову и зажала ее между коленями, потом добрела до туалета, где меня вырвало. Мне казалось, что тошнит меня из-за ребенка, что он, точно вирус, отравляет меня изнутри. Мысль заставила меня запаниковать. Извергнутая желчь жгла мне глотку, и я равнодушно смирилась с тем, что мне придется умереть здесь, в туалетной кабинке. Из-за двери доносилось топтание ног женщин, нетерпеливо ждущих, когда я наконец выйду, и когда я вышла, утирая губы рукой, они глядели на меня, воздев брови. Женщины сразу все поняли. Теперь они были моими врагами. На мне было широкое хлопковое платье цвета подсолнухов – маскировка, в которой я пока не нуждалась, но мне хотелось укрыть свое тело от чужих взглядов. На всякий случай.

Стерев с кожи бумажными полотенцами пот и желе, я вышла из-за занавески и села на свой пластиковый стул. Он отпил из стакана травяного чая, от которого на мгновение затуманились стекла его очков. Я машинально перебирала пальцами разноцветные костяшки на счетах, которые стояли у него на столе. Зеленая, красная, синяя, желтая. Раз-два, раз-два. Коричневый коврик на полу. Казенный оранжевый стул. Шуршание включенного диктофона.

Я закрыла глаза в ожидании, что он теперь предпримет. Или, может, кто-нибудь ворвется в его кабинет и арестует меня, но ничего такого не произошло.

– Ну, выбирай, – наконец проговорил он.

Открыв глаза, я увидела, что он необыкновенно серьезен, видно, в глубине души ему импонировало ощущать свою значимость. – Позволь мне позаботиться обо всем здесь и сейчас, и ты сможешь вернуться к своей обычной жизни так, словно ничего не было. Ты проснешься, и мы забудем об этом.

– А какой второй вариант? – спросила я.

– Я не стану принуждать тебя избавиться от него, но мы не позволим тебе его сохранить. Тебе придется уехать. Тебя отправят отсюда.

– Отправят куда?

Он нахмурился:

– Не могу тебе этого сказать, Калла. Но уверяю тебя: это путешествие будет не из приятных.

Я сидела не шевелясь.

– Послушай меня, Калла. Как ты думаешь, много ли у тебя возможностей совершить фатальную ошибку и исправить ее – получить прощение? За тобой придут. Тебе не спастись.

Он наклонился ко мне и продолжал что-то говорить, но меня отвлекал запах моего пота. Передо мной стоял простой выбор, и тем не менее во мне окреп неверный ответ. Отведенный для приема час почти истек. Я приказала себе молчать, пока минутная стрелка на часах не дойдет до нужной точки на циферблате. Наконец он отвел от меня взгляд.

– Хорошо. Можешь идти домой. Но с этого момента ты будешь под наблюдением. Не соверши какую-нибудь глупость.

13

– Приезжай и забери меня, – умоляла я Р, позвонив ему из телефонной будки напротив клиники. – Нужно, чтобы кто-то меня забрал отсюда.

– Шутишь? – отозвался он. – Ты же прекрасно сама туда доехала! Не хочу внушать тебе мысль, что ты беспомощная.

Он говорил ласково, резонно.

– Но ты мне нужен, – настаивала я. – Сейчас ты мне нужен!

– Я правда очень занят, – ответил он, поэтому я поехала на машине прямо к его дому, то и дело застревая в пробках. Войдя в лифт, я прислонилась к зеркальной стенке и закрыла глаза. В кабине кроме меня никого не было.

Р открыл дверь не сразу. На нем была светлая льняная рубашка, без галстука, и он не поцеловал меня в щеку, не потрепал по лбу, не взглянул и даже не спросил, стало ли мне лучше, но вручил мне стакан воды со льдом.

– Трудный разговор с врачом?

Я выпила воду одним махом, прижав кулак к груди.

– Ты вообще хочешь быть отцом? – спросила я, подавшись позыву темного чувства, которое теперь осязаемо запульсировало во мне.

Р задумчиво привалился к кухонной стойке.

– А, так вот о чем идет речь, – произнес он, и я на секунду перепугалась, но он продолжал: – Ты считаешь, я хочу выбрать для себя белобилетницу?

– Ну, может быть, – сказала я. – Как-нибудь задумаешься.

– Давай закончим этот неуместный разговор, – сказал он. – Пошли!

Он улыбнулся, поцеловал меня в висок и провел к себе в спальню, где уложил в кровать и закутал в серую простыню.

– Подремли, после сна все придет в норму. – И он целомудренно провел ладонью по моему закутанному телу.

Я провалилась в глубокий сон без сновидений, в эмоциональную пустоту, а когда проснулась, его уже не было. Некоторое время я лежала, уставившись в потолок, пытаюсь сохранить ощущение опустошенности. После чего я обследовала каждую комнату, вышла из квартиры и уехала, включив в салоне радиоприемник на полную громкость, чтобы не чувствовать себя одинокой.

Я припарковалась в центре и прошла в надежде увидеть в толпе хотя бы одну детскую коляску. Я еле передвигала ватные ноги. Мне хотелось увидеть лицо ребенка, розовое, как яблоко, в складочках и ямочках, и папочку, который кивает идущим навстречу, прося их дать дорогу. Мне нужно было зримое подтверждение того, что такое возможно. Но подтверждений не было.

Нам всем нравилось иногда видеть на улице младенцев. У нас вошло в привычку вручать отцу мелкие подарки. Монетки, конфетки, носовые платочки. Отец клал все эти мелочи в хозяйственную сумочку, но мы знали, что потом эти дары окажутся в мусорном ведре, потому что следовало оградить ребенка от всего, что представляло для него опасность.

Были и такие, кто мог бы захотеть нанести ребенку травму. Но такое можно было допустить только косвенным образом. Некоторые женщины долго сверлили коляску взглядом и потом как бы случайно хватались за нее – словно на удачу. Другие вели себя не так прямолинейно, а кое-кто старался не привлекать к себе внимание в толпе, наблюдая за коляской, или преследуя ее, или предлагая что-то младенцу. А кто-то отводил взгляд от коляски, не желая видеть там ребенка.

Первый раз увидев ребенка в городе, я приняла его за диковинку вроде пришельца из космоса. Когда же я стала старше, дети, казалось, не стеснялись злоупотреблять своей властью надо мной. Они меня сильно расстраивали. Если я встречала на улице детскую коляску и совала отцу мелкую монетку, которую нашаривала в кармане, тот благодарно мне кивал. А мне приходилось забегать в ближайший магазинчик и пережидать там, пока во мне не стихнет буря и не пройдет желание завывать.

Как-то я вошла в магазин детских вещей, где никого не было, кроме продавщицы за прилавком. Она вытаращила на меня глаза, но ничего не сказала. Я стала перебирать крошечные носочки и мягкие игрушки. Потом взяла в руки шапочку с кошачьими ушками на макушке. В висках у меня стучала кровь.

– Прошу прощения, – сухо заметила продавщица, подойдя ко мне. – Вам лучше уйти!

– Я выбираю подарок для подруги! – в ярости отрезала я. – Можно посмотреть или нет?

– У вас нет таких подруг! – злобно фыркнула она, а я, швырнув шапочку на прилавок, выбежала из магазина и быстро нырнула в уличную толпу.

– Глупая сука! – обернувшись на магазин, крикнула я, так что прохожие уставились на меня, но ненадолго.

– Ты думаешь, что поступаешь по зову природы, но ты ошибаешься, – предупредил меня доктор А. – Ты считаешь, что тебе это нужно, но хочу тебе сказать: это не так!

Я шагала по чистым серым улицам. Похолодало. Цветы на деревьях еще не распустились, но я знала, что ждать осталось недолго и что в зеленых кислых почках уже пульсирует жизнь, потому что именно так в природе и работает время. Сегодня в городе детей не было видно, все куда-то спешили, гладкие и торопливые, словно вода. Я представила себе, как Р гуляет с коляской в моем районе, катит ее по улицам, а мои соседки стараются внимательно рассмотреть ребенка. От одной этой мысли меня замутило, я села на скамейку и зажала голову между коленей.

– Вы в порядке? – раздался голос.

Подняв взгляд, я увидела мужчину и подумала, не отец ли он. Теперь я ни на одного мужчину не могла посмотреть без мысли об этом. Что делает мужчину отцом, а женщину – матерью? Чего мне недостает? Р жил в ожидании кого-то, кто не будет ползать вокруг него по полу, кого-то, кто не станет копошиться в грязи. Я сама была как ребенок – одни ощущения и никакого самоконтроля. Неисправный мотор, работающий вхолостую. Я его даже не любила, я не любила ничего.

А может быть, я и любила его, но просто не хотела в этом признаться. Как я могу быть матерью, если мне чужды простейшие человеческие эмоции, если они сродни волнам, бьющимся о берег моего тела – и это тело казалось одновременно далеким, как луна, и неудобно близким? Я и не осознавала, что будет так. Я была достаточно глупа, чтобы не осознавать этого.

– Вы в порядке? – снова спросил мужчина.

– Да, – ответила я, уже забыв, о чем он спрашивал.

Мужчина удалился, ни слова не говоря. Я заметила блеск обручального кольца у него на пальце. Во рту я ощутила горечь. Я медленно поднялась и пошла к своей машине.

14

Посылку принесли через три дня после моего визита к доктору А.

Эмиссар позвонил мне в дверь спозаранку. Я увидела его в окно и задрожала от страха, но потом, когда набралась мужества и открыла ему, он не стал меня арестовывать и вообще ничего не сказал, а просто кивнул и вручил мне коробку. При свете дня трава у дома казалась свежеекрашенной. Итак, сделку отменили. Я поняла, наверное, впервые в жизни, что назад пути нет, что я запустила механизм, который уже не остановить.

Я выложила содержимое коробки на пол в гостиной и некоторое время смотрела, не шевелясь. Маленькая палатка, раскладная палатка-автомат, которую не надо ставить, вбивая в землю колышки и натягивая тросики, а можно просто встряхнуть, и она сама раскрывается, точно зонтик. Подробная карта страны, восемь пачек лапши и четыре упаковки сушеного мяса, йод в таблетках, небольшой нож и пистолет – с виду очень старый, даже старинный. Аксессуары для выживания в дикой природе. Я убрала все обратно в коробку, коробку вложила в рюкзак и оставила в гостевой спальне, на кровати, где рюкзак лежал на покрывале, сияя красным нейлоновым боком. В тот день я раза четыре залезала в рюкзак удостовериться, что мне это все не приснилось.

Что ж, по крайней мере на сей раз мне дали палатку, хотя остальные вещи имели символическое значение.

Итак, я снова отправляюсь в путешествие. Меня ждет большое приключение.

15

– Никто со мной так еще не поступал! – воскликнул Р в ресторане, когда я сообщила ему новость.

Прошло две недели с тех пор, как мы виделись в последний раз. Я скромно жевала свой стейк и не сразу ответила. У меня пробудился вкус к тяжелой пище, богатой железом, к мясу с кровью.

– А ты всегда этого хотела, не правда ли? – укорял он меня. – Тебе хотелось понять, какие при этом возникают ощущения.

Какие там ощущения: холодный электрический разряд. Ноющая боль в теле. Я была как птица, которую необъяснимым образом тянуло к земле. Белая птичка с мягким оперением, намного красивее, чем я могла бы представить себя в своих мечтах.

– Не устраивай сцену! – сказала я. Мне просто хотелось поставить его в известность.

И зачем только я ему сказала? Уж и не помню, чем я руководствовалась. Привычная жизнь разваливалась на глазах. Золотой попугай в клетке пронзительно вопил в углу. Черный рояль. Рядом околачивалась официантка в темно-синем фартуке.

– Все хорошо? – поинтересовалась она, и Р отогнал ее взмахом вилки. Лицо у него было хмурое и недоброе.

– Зачем? – спросил он. – Это все, что я хочу узнать. За-чем?

Но я не могла во всеуслышанье рассказать о своем желании – не могла выпустить его на свободу и наблюдать, как над ним издеваются, сбивают влет, словно оно стало темой общественной дискуссии. Это не было чисто теоретической конструкцией, это была хрупкая бессловесная часть меня, и я не имела языка, чтобы обратить ее в слова.

– Значит, ты так и будешь сидеть и молчать? – злобно процедил он. – Ты даже не попытаешься объяснить мне свой поступок?

– Ты не поймешь, – отозвалась я.

– У тебя аффект, – сказал он.

– Ну, раз ты так считаешь...

Я уже поняла, что какой бы аргумент я ему ни предложила, он его не убедит: ведь я была синибилетница!

– Я вообще не понимаю, зачем кому-то нужны дети, не важно, синий у тебя билет или белый, – продолжал он, понизив голос, чтобы никто не смог услышать, о чем мы беседуем.

– Возможно, никто этого толком и не знает, – заметила я. – Это нужно чувствовать.

– Но откуда тебе известно, что именно ты это чувствуешь? Возьми другие чувства. Какое-то чувство, которое ты можешь отогнать. – Он попытался было подлить мне вина, но мне уже и так было достаточно, и я накрыла ладонью свой бокал. Но поздно – вино растеклось по всему столу.

– Просто я знаю – и все.

Как описать постороннему свое темное чувство без того, чтобы не раскрыть ему душу? Как спросить, испытывал ли он когда-нибудь такое же чувство? Р пристально смотрел на меня. Меня охватило ощущение нестерпимой жалости к себе. Я слизала вино с тыльной стороны ладони.

– Знаешь, тебе придется как-то решить эту проблему, или тебя вышлют, – заметил он, снова вооружился вилкой и ножом и вернулся к еде.

– Об этом уже поздно говорить, – я вытерла вино со столика салфеткой и рассказала ему про посылку. – Сейчас она у меня дома. Поехали – сам посмотришь.

Нам принесли десерт – два фисташковых крема. Я слопала оба, а Р молча смотрел. У меня разыгрался зверский аппетит. Но в кои-то веки меня это не смущало.

Приехав ко мне, мы достали из коробки все ее содержимое. Он взял пистолет и взвесил на руке. Потом направил на меня. Я положила ладонь на ствол и отвела в сторону.

– Не надо! – строго произнесла я, словно делала внушение непослушному псу, хотя и знала, что пистолет не заряжен. Я подняла руки над головой, чтобы стянуть с себя блузку, и Р отвернулся.

– Я даже смотреть на тебя не могу, – заявил он.

– Я начинаю представление. Можешь смотреть, если хочешь.

На самом деле это было никакое не представление, но я глубоко дышала, чтобы подчеркнуть каждую выпуклость своего тела. Мне хотелось, чтобы он осознал всю реальность случившегося. Чтобы он сам смог увидеть и потрогать.

– Не хочу! – буркнул он, все еще отворачиваясь. – Это последнее, что я хочу видеть.

Он не повернулся ко мне, когда я скинула юбку, расстегнула бюстгальтер и медленно стянула чулки, хотя он прекрасно все слышал. Я ничего не сказала, а просто положила одежду аккуратно на кровать, потом огладила руками изгибы своего живота, не обнаружив никаких явных изменений, ничего, что можно было бы заметить невооруженным глазом. Он стоял впол-оборота ко мне, скрестив руки на груди.

А потом он ушел. Я слышала, как он переступает с одной ступеньки на другую, но не побежала за ним и вообще не двинулась с места. Я стояла, голая, и чего-то ждала, за окном сгушались сумерки, мои соседки возвращались домой с работы. Звуки их телевизоров, громы-хание посуды, стук открываемых и закрываемых дверей, когда они выходили в садики перед домом поглядеть на небо или внести в дом высохшее белье. Вокруг меня происходили привычные события повседневной жизни, не незаметной жизни, которая продолжалась безостановочно.

16

В мой следующий визит к доктору А я была молчалива. На этот раз он сидел на коричневом велюровом диванчике, привалившись к спинке. Он старался добиться того, чтобы я чувствовала себя непринужденно, но я редко чувствовала себя с ним непринужденно, даже после того, сколько часов, сколько лет жизни я ему посвятила, изливая свою душу. Мои пальцы вцепились в край пластикового стула так сильно, что костяшки побелели. Если бы я могла заполнить пустоту, предназначенную для откровений, незначущими заявлениями, тогда, вероятно, неминуемое можно было бы отсрочить. Я верила в такую возможность, хотя это было глупо, потому что доктор А, конечно, знал о полученной мной посылке. Он же сам ее заказал.

Он улыбнулся и подался вперед, словно поймал меня на слове, хотя я еще ничего не сказала.

– О чем ты в последнее время думаешь? – задал он мне свой обычный вопрос.

Свет в его кабинете был тусклый и неровный. Всякий раз, когда мне нужно было ему солгать, я останавливала взгляд на стойке маленьких веснушек под его левым глазом или на его носу, отчего, как мне было известно, создавалось впечатление зрительного контакта. Но на этот раз лжи не будет. У меня заурчало в желудке, и напряжение спало.

Доктор А рассмеялся.

– Проголодалась? – Он предложил мне мятную полосатую конфетку. Я разгрызла мятный диск, рот наполнился слюной, да такой обильной, что казалось, она сейчас закапает с губ.

– Ты ведь получила кое-что, Калла? – спросил он. – Тебе вручили кое-что?

Я не ответила и перевела взгляд на окно: жалюзи были прикрыты, и солнечный свет пробивался в щели желтыми лезвиями.

– Страх стать изгоем – инстинктивный человеческий страх. И этот страх подтверждает наш статус как особенного, неповторимого другого, существование которого внутри себя мы всегда подозревали. Быть отвергнутым – значит осознать, что латентно присутствующее внутри нас ощущение непохожести на других подтвердилось. – Он помолчал. – Может быть, ты хочешь это осознать.

Может быть, я хочу это осознать, согласилась я безмолвно.

– Будь готова в любой момент. Держи посылку в машине. Как только придет повестка, а она может прийти в любой момент, тебе сразу придется уехать. Если тебя поймают, я не смогу тебе помочь. – Он сделал паузу. – В знак признания твоих заслуг тебе дадут еще один шанс. Мне жаль, что все происходит таким вот образом. – И на какое-то мгновение мне показалось, что он сказал это вполне искренне.

У меня перехватило дыхание.

– Еще один шанс с лотереей?

– Нет, – покачал он головой, – и ты сама это прекрасно знаешь. Какой в этом смысл? Результат будет такой же. Ты не можешь сменить свой билет.

Я вообразила себя взрослой, в лотерейном доме с девочками в платьях, стоящими в очереди, словно я этого заслуживала. Я вспомнила сон, который часто мне снился еще с отрочества, как я порезала ладонь металлическим листом, и из раны полилась не красная кровь, а похожая на чернила жидкость цвета индиго.

– Шанс убежать, – продолжал он. – Отправиться в путешествие, похожее, наверное, на то, что ты когда-то совершила. Но это будет бегство от, а не к. Кое-кто считает это тестом.

– Скажите, что мне делать, я так и сделаю.

– Уже поздно что-либо делать, – заметил он. – Ты можешь сделать только то, что от тебя зависит.

Я расплакалась, услышав его ответ, и, хотя он говорил со мной добродушно, судя по всему, я его немало разочаровала – впервые за все время наших бесед.

– У вас есть семья? – спросила я, перестав плакать.

– Я не могу с тобой об этом говорить, – ответил он. – Извини.

Вечером, по моей просьбе, ко мне приехал Р. Для меня это стало неожиданностью – что он сменил гнев на милость, но я была ему за это благодарна. Он привез мешок продуктов: свежие овощи, хорошие сыры, мой любимый хлеб.

– Ты что делаешь? – спросила я, когда он накрыл на стол: тарелки, приборы, кувшин воды со льдом и лимоном.

– Я делаю, чтобы все было красиво, – ответил он, положив нож рядом с хлебом.

Все выглядело и впрямь красиво – как настурции, выращенные в стеклянной баночке.

Он почитал этикетки на сырах и указал на те, которые мне было разрешено есть.

– Как ты узнал? – спросила я.

– Мне удалось кое-что разведать, – объяснил он. – Один коллега дал мне вот это, – и протянул мне фотокопию листовки со списком продуктов, которые беременным запрещалось есть, и занятий, от которых следовало воздержаться. В списке перечислялись все мои любимые продукты и кое-какие из моих любимых занятий. Не важно. Я была готова отказаться от чего угодно. Р наблюдал за мной, когда я читала список.

– Потом мне надо будет у тебя это забрать, – сказал он.

– У тебя могут быть неприятности? – Я была тронута.

– Может быть.

– Тебе ничего не надо предпринимать, я же синибилетница, не забыл?

– Нет, не забыл.

В постели он положил мне обе руки на лицо. Мы лежали и смотрели друг другу в глаза, не отрываясь. У него глаза были темные, почти черные. Я тоже положила руки ему на лицо. Он погладил меня по щеке, потом прижал большие пальцы к моим вискам.

– Ты снова что-то проверяешь, – догадалась я, и он кивнул.

Когда я смотрела на него, меня захлестнула волна чувств, которые меня отпугивали и влекли одновременно. Трудно было понять, то ли они реальны, то ли это очередная иллюзия, в которую меня пыталось втянуть мое тело. Я осознавала, что, по большому счету, Р хороший человек. И эта мысль меня так опечалила, что я даже отвернулась от него.

Когда он уснул, я записала в блокноте, где вела учет дням своей задержки: «Биохимическая реакция!» и «Любая близость создана искусственно».

Потом написала: «Следи за собой лучше!» И еще: «Будь смелой – и готовься».

17

В супермаркете у меня всегда возникало ощущение безопасности. Даже в детстве я была уверена, что в толпе со мной не может случиться ничего плохого. Мне нравился бодрящий гул кондиционера, яркие сочные цвета при люминесцентном освещении. Супермаркет служил мне напоминанием, что мое сердце не иссохло и не скукожилось. Бананы, яблоки и персики были аккуратно выложены в ящиках на прилавках, и от них поднимался аромат лета. Мне нравилось ходить между рядами, повесив на локоть плетеную корзинку, разглядывая выложенные продукты, поражаясь простоте определения потребностей и их удовлетворения. Соль. Апельсины. Твердый чеддер. В вестибюле стоял банкомат. Всякий раз, приходя в супермаркет, я снимала в банкомате небольшую сумму, чтобы не вызвать подозрений. Дожидаясь, пока мне в ладонь выскочат хрустящие купюры, я держалась спокойно, разглядывая свои ногти, словно скучая и не думая ни о чем другом, а потом, когда возвращалась домой, рассовывала деньги по тайным местам в рюкзаке, в куртке.

По привычке я остановилась около винного магазина, с запозданием вспомнив, что больше не могу потакать этой своей слабости. Владелец, заметив меня через стекло, поманил длинной рукой, предлагая зайти. Я была его очень ценным покупателем.

– Калла, любовь моя! Я только что получил потрясающее новое божоле! – С этими словами он налил немного вина в картонную кофейную чашку. – Вот попробуй, ты должна!

После недолгих колебаний я опрокинула чашку в рот, и он снова ее наполнил.

– Просто чудо, правда?

Вино на вкус было как дорожная слякоть.

– Мило! – сказала я и купила бутылку, которую, вернувшись домой, решила вылить в раковину.

Прячась у всех на виду, подумала я про себя. Теперь это твоя проклятая жизнь.

В аптеке я собрала все, что мне могло понадобиться в течение месяца, по списку доктора А: микстуры, витамины, темные бутылочки с этикетками, исписанными от руки трудночитаемыми надписями. Воздух в аптеке был прохладный от кондиционера, и, чтобы сохранить равновесие, я оперлась рукой о стеллаж и нагнулась к нижней полке взять там нужное средство. Возникло ощущение, что я распухла от прилива крови, все тело болело.

18

Однажды утром – темно-розовое пятно на ватной прокладке. Розовое пятно на туалетной бумаге. Я сидела на полу в ванной, тихо сжав кулаки. Я досчитала до тысячи, и еще раз до тысячи и приказала себе: «Не выбегай на улицу и не вой». Меня охватила печаль, пока я не взяла себя в руки и не засунула побольше бумажных салфеток в трусики. День продолжался. Я проклинала нехватку веры, вселенскую нестабильность, свою внушаемость и уязвимость перед страхами и мыслями. Я проверяла каждый час. Розовых пятен больше не было.

– Так что в любой момент все может закончиться, – сообщила я доктору А. – И что мне надо делать в таком случае?

– Ну, масса белобилетных женщин с этим как-то справляются, – ответил он.

Интересно, как.

– А что, если я этого и заслуживаю? – спросила я, зная, что именно это он и хочет от меня услышать. – Что, если это все из-за того, что я непригодна?

Он раскинул руки и потянулся.

– Время вышло. У меня следующая пациентка.

Оставаясь одна дома, заперев дверь, я прикладывала сцепленные ладони к животу, визуально увеличивая его. Просто посмотреть, говорила я себе. Прошло три бескровных месяца. Не так уж и долго. Мои легкие, моя диафрагма горели от напряжения. Я засовывала подушку под футболку. Просто посмотреть. В ванной я вставала на стул перед зеркалом и видела все свое тело, кроме головы. Меня пугала безрассудность этого поступка – вот так встать на стул, и одно падение могло бы избавить меня от всех проблем.

Отчасти мне и хотелось грохнуться со стула на пол, я это говорю совершенно искренне. Я могла бы упасть обратно в свою прежнюю жизнь, думала я, это же как свалиться с кровати среди ночи и избавиться от дурного сна. Но я аккуратно слезала со стула.

В нашем местном центре искусств показывали документальный фильм, на который я пошла как-то вечером с Айной. Но я понятия не имела, что фильм про роды. Легкое напоминание о том, как нам повезло в жизни, если мы вдруг об этом позабудем. Мы видели руки врачей внутри женского тела. Кадры сопровождалась не человеческими голосами, а наложенной дорожкой с классической музыкой. «Какая гадость», – выдохнул кто-то сбоку от меня, но в темноте зрительного зала я не разглядела, кто это сказал. Айона протянула мне плитку шоколада, но я отмахнулась. Мой взгляд был прикован к экрану.

Эмиссар сидел на стуле у двери позади экрана, вытянув ноги и позевывая. Белая рубашка, темно-синие брюки и пиджак, обычный костюм. Я лишь однажды видела, как эмиссар опрокинул кого-то на землю и уволок куда-то так быстро, что впору было подумать, будто ничего не произошло: все случилось так стремительно, что никто даже не успел отреагировать. И все же я была рада, что на мне мешковатая рубашка. И я заставляла себя отпивать вино из пластиковой чашки, которую мне кто-то дал, несмотря на то что мне было известно про свое состояние. Я слегка омочила губы и крепко сжала их, чтобы они потемнели от вина. Во время фильма мне в голову пришла мысль вылить остаток вина на себя. На экране женщина, широко раскрыв рот, кричала от боли, и этот крик, казалось, не умолкал долгие годы, и хуже всего, этот крик был не слышен, зато были видны влажные недра ее глотки, и потом что-то шевельнулось в обтянутых резиновыми перчатками руках врачей. С нарастающим ужасом я осознала, что та же самая боль жила внутри меня, дожидаясь лишь возможности исторгнуться наружу.

Когда в зале зажегся свет, люди стали смотреть на меня и на пролитое на мою одежду вино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.